

УДК 81'25

*Л.В. Кушнина***ДИНАМИКА ТРАНСПОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТ ПЕРЕВОДА**

В статье рассматривается проблема транспонирования метафоры как одного из когнитивных механизмов перевода текста. Исследование данного механизма выполнено в свете авторской концепции переводческого пространства, раскрывающей синергетический потенциал перевода. Согласно данной модели, результатом синергии смыслов является порождение гармоничного текста перевода, который становится фактом другого языка и другой культуры. Если процесс порождения метафоры в тексте оригинала можно обозначить как первичная метафоризация, то в переводческом пространстве возможна вторичная метафоризация, имеющая два вектора развития: деметафоризацию и реметафоризацию, что отражает ее динамику при переводе. В первом случае метафора оригинала исчезает, и перевод оказывается некачественным, дисгармоничным. Во втором случае переводчик создает новую метафору на основе метафоры оригинала, языковых ресурсов перевода, когнитивного багажа переводчика, что приводит его к гармоничному переводу. Качественный перевод метафоризированного художественного текста позволит переводчику отразить духовное богатство его создателя, которое будет гармонично воспринято читателем, принадлежащему другой лингвокультуре.

Ключевые слова: метафора, переводческое пространство, гармоничный перевод, дисгармоничный перевод, реметафоризация, деметафоризация, когнитивный багаж переводчика.

Многовековая история переводческой деятельности, предназначенной для установления взаимодействия отдельных индивидов и целых народов, которых разделяют национальные языки и культуры, содержит богатый объем переводной литературы и научных изысканий, раскрывающих закономерности перевода. В своих работах мы пытаемся проанализировать этот процесс с позиций авторской концепции гармонизации переводческого пространства. В настоящее время нас интересуют внутренние, ментальные механизмы перевода, то есть его когнитивная составляющая. Вполне очевидно, что когнитивное пространство перевода – включает в себя широкий спектр анализа, поэтому каждое новое исследование, каждый новый взгляд вносят свой вклад в его понимание и осмысление.

В связи с тем, что основополагающим для нашего исследования является порождение текста перевода, а одним из механизмов данного процесса является метафоризация, интересно проследить динамику транспонирования метафоры в текст перевода. Перефразируя известную фразу С.Я. Маршака, который, рассуждая о признаках хорошего перевода, писал об органической цельности подлинника в переводе, подразумевая, что в переводе воспроизводится не буква буквой, не слово словом, но смех смехом, улыбки улыбкой, юмор юмором, красоту красотой, вдохновение вдохновением. Добавим к этому высказыванию, что метафора должна быть передана метафорой.

Мы обратились к тексту в его оригинальной и переводной версиях, и проанализировали, так ли это на самом деле? Анализ привел нас к выводу о том, что процесс метафоропорождения при переводе может иметь два вектора развития: деметафоризация и реметафоризация. Рассмотрим эти процессы подробнее. Начнем с того, что их когнитивная природа очевидна, равно как и когнитивная природа самой метафоры, исследование которой проводится традиционно в духе идей Дж. Лакоффа. Исходным для наших размышлений по поводу протекания данных процессов считаем положение ученого об онтологической метафоре, пронизывающей наше мышление.

В связи с этим целесообразно подчеркнуть мысль Дж. Лакоффа о том, что «метафорические выражения порождает сознание, а не язык», так как их источником являются ассоциативные нити, пересекающие концептуальные области [9]. В результате имеет место сознательный отрыв обозначающего от обозначаемого, перенесение обозначающего (референта) на другой концепт. В речевой практике, в тексте это означает, что пользователь слова вкладывает в это слово новое понятие, то есть имеет место так называемое семантическое движение. Таким образом, метафора рассматривается основателями теории метафоры как часть человеческого опыта и психического мира, как средство образования новых смыслов и значений.

Эта теория получила широкий отклик в современных отечественных исследованиях. Мы обратили внимание на работу Д.Е. Эртнер, посвященную проблеме становления метафорологии как науки, трактующей ее как форму мышления [12]. Это значит, что сознание человека определяется глубинными структурными отношениями между группами понятий, которые позволяют выражать одни

понятия через другие. Подчеркнем идею о том, что метафора является когнитивным процессом, который выражает и формирует новые понятия, и без которых невозможно получение нового знания. Для теории перевода этот вывод, как нам кажется, означает, что адекватный перевод метафоры практически невозможен, так как ни один словарь не может и не успеет зафиксировать вновь приобретенные значения. Переводческая мысль должна отразить в своем развитии всю динамику мысли автора, что требует поиска новых переводческих решений.

Нас заинтересовала также статья С.А. Панкратовой, посвященная когнитивной метафоре (эпифоре) и образной метафоре (диафоре). Автор апеллирует к понятию эвристический потенциал метафоры, понимаемый как «мозаика признаков той или иной концептосферы, установление совокупности которых помогает выделить непознанные «белые пятна» и точки роста в постижении предмета, установить нереализованные концептуальные возможности и рамки, ранее скрытые аргументы и контраргумент» [11. С. 72] Автор даже вычисляет объем эвристического потенциала: 7 ± 2 . Комментируя данное положение применительно к переводу, заметим, что эти точки роста, о которых говорит автор, вероятно, не совпадают в разных лингвокультурах, при этом их смысловое, метафоропорождающее наполнение должно быть согласованным, соотносимым, что мы трактуем как гармоничность – высший уровень качества перевода, согласно нашей концепции.

Напомним также высказывание Н.Н. Белозеровой, «Заслугой Лакоффа является определение механизма процесса метафоризации, подобий и соответствий, характерных для мыслительной деятельности человека во все периоды его развития» [3. С. 16]. Нам представляется, что создается метафора как некое подобие и соответствие, но и воссоздается метафора при переводе также как некое подобие и соответствие. Но это подобие другого рода, то, которое наиболее очевидно в данном языке и в данной культуре,

Современная теория метафоры успешно развивается Л.М. Алексеевой [1; 2; 15]. Исследуя когнитивный потенциал процесса метафоризации в научном тексте и в научном переводе, ученый подчеркивает, что «научная метафора дает возможность говорящему формулировать свое открытие, а слушающему – понимать новизну знания и одновременно выстраивать новые стратегии интерпретации исследуемого явления» [2. С. 13].

Таким образом, когнитивная природа метафоры – это ее неотъемлемое свойство, на что указывают все специалисты в области метафорологии.

В связи с тем, что предметом наших исследований является процесс перевода, когнитивная природа которого признается современными учеными, включая нашу научную позицию, выраженную в концепции переводческого пространства, мы выдвинули предположение о том, что переводчик, нацеленный на порождение качественного, в нашей концепции, гармоничного перевода, осознавая наличие метафоры в тексте оригинала, предпринимает определенные интеллектуально-эмоциональные усилия, направленные на транспонирование метафоры в текст перевода.

Это предположение основано на том, что многие закономерности порождения и восприятия монологического высказывания становятся релевантными при двуязычном высказывании. В частности, это касается смысла, являющегося важнейшей категорией текста в любой его ипостаси, будь то текст оригинала или текст перевода. Этот феномен был замечен еще теоретиками ИТП (теории смысла М. Ледерер и ее школы). Опираясь на результаты исследований М.М. Бахтина, французские ученые пришли к выводу о том, что смысл высказывания при переводе, равно как и смысл высказывания в принципе, есть «результат слияния языковых значений слов и когнитивных (экстралингвистических) дополнений, или «внесловесной действительности». При этом смысл текста или высказывания не тождественен сумме значений составляющих его слов. Именно поэтому передача (перенос) всех значений всех слов текста на исходном языке – как к тому призывают авторы лингвистических теорий перевода – не только не требуется, но даже наоборот, не рекомендуется в ИТП, так как это неизбежно исказит смысл высказывания на ПЯ» [4. С. 47-48].

Как поясняет М. Ледерер, «la compréhension est le produit conjoint de deux sources d'informations travaillant en commun, le texte et les structures cognitives» [16. Р. 36] – («понимание – это общий результат двух источников информации, текста и когнитивных структур». – пер. наш. – Л.К.). Ученый поясняет, что когнитивные компоненты состоят из понятийных и эмотивных, которые сливаются со значениями в единое целое, порождая тем самым смысл: «le cognitif et l'affectif qui fusionnent avec des significations pour donner un sens au texte» (Ibid. Р. 37). Ученый оперирует термином «bagage cognitif» – «когнитивный багаж», который мы также можем использовать при описании переводческого метафоропорождения.

Ясно, что если речь идет о таком когнитивном механизме как метафора, то смысл, порождаемый в результате метафоризации, не принадлежит исключительно языковому значению слова, но его когнитивному дополнению, варьирование которого обусловлено характером мыслительной деятельности каждого субъекта коммуникации, что в случае перевода, обеспечивается переводчиком. В рамках нашей концепции мы вычленим самостоятельное поле переводчика, смысл которого не идентичен ни смыслу поля автора, ни смыслу поля реципиента, так как речь идет каждый раз о личностных смыслах. При этом мы считаем, что поле переводчика чрезвычайно динамично в том пространственно-временном континууме, в котором и разворачивается переводческое пространство. Во-первых, оно динамично по временным параметрам, что отражено нами в понятии переводческое время и темпоральный смысл. Это значит, во-первых, что время при переводе культурно окрашено, то есть в разных лингвокультурах темпоральные смыслы разные (ср. русское «два часа ночи» и французское «deux heures du matin», что в буквальном переводе означает «два часа утра») Во-вторых, это означает, что каждый переводчик в разные периоды работы над одним и тем же текстом перевода, создает разные тексты, т. к. включаются разные когнитивные дополнения. Эти процессы касаются всех когнитивных механизмов, и соответственно, механизма метафоры.

Исходя из данной трактовки механизма метафоризации, назовем его первичной метафоризацией, которую осуществляет автор текста, можно предположить, что перевод является своего рода вторичной метафоризацией, которая осуществляется в сознании переводчика. При этом то семантическое движение, к которому прибегал автор, может не совпадать с семантическим движением переводчика, которому не всегда легко осознать исходную метафорическую посылку. К таким размышлениям мы приходим, опираясь на нашу концепцию перевода, переводческое пространство, где мы вычленим самостоятельные поля автора, переводчика, реципиента, каждый из которых вносит свой смысл в текст, не идентичный, но подобный, соответствующий. В связи с этим мы предположили, что возможны два вектора в развитии метафоры: деметафоризация (исчезновение метафоры), реметафоризация (воссоздание метафоры в переводе), что можно представить как динамику транспонирования метафоры в переводческом пространстве. Прежде чем это показать, напомним кратко содержание нашей концепции.

Приступая к пояснению концепции, подчеркнем, что ключевым понятием мы считаем смысл. Начиная с работ Ю. Найды, перевод исследуется как операция над смыслом. Н.Л. Галеева: «Смысла и идеи каждый раз заново формируются и ведут к образованию ценностей и чувств... Они не хранятся, подобно значениям для использования по мере необходимости...» [5]. В своих работах мы соотносим смысл с имплицитными компонентами текста, полагая, что каждый текст имеет лишь одно содержание, но порождает множество смыслов. В этом – принципиальная трудность перевода. Мы вычленили несколько смысловых полей, можно вычленить другие. Смысл мы понимаем как динамичное образование. Смысл порождается в тексте, а текст процессуален и динамичен, как писал об этом, и как нас учил Л.Н. Мурзин [10]. Его динамика выражена во всех полях переводческого пространства. В результате динамики, столкновения и взаимодействия смыслов происходит качественный скачок – рождение нового смысла текста – текста перевода. Мы считаем, что переводчик погружен в поиск смыслов. Текст мы считаем как форму бытия смысла.

Перевод мы понимаем как транспонирование смысла из одного языка в другой, из одной культуры в другую [7]. В переводческом пространстве происходит своего рода жизнь смысла: порождение, понимание, улавливание, угадывание, кодирование, декодирование, девербализация, ревербализация. Но главное – синергия множества гетерогенных смыслов, которые пронизывают переводческое пространство, а затем согласование, соотнесение, то есть их гармонизация. Как известно, синергия предполагает порождение нового смысла, рождение чего-то нового, будь то лингвистические процессы или социальные процессы, например, появление на политическом горизонте новой партии – это тоже синергетический процесс, но его изучают историки и политологи. Мы изучаем синергию взаимодействия языков и культур, то есть перевод. И как результат такой синергии появляется новый текст с новыми смыслами, который интегрируется в культуру. Подчеркнем, это очень важно, синергетический эффект в каждой культуре будет разным, то есть те когнитивные дополнения, которые сопровождают процесс перевода вариативны, как объективно, так и субъективно.

Итак, результат синергии смыслов в переводческом пространстве является порождение текста перевода, смыслы которого гармоничны совокупности смыслов оригинала, и которые становятся фактом другой культуры, обогащая ее. Таким образом, следующие ключевые понятия концепции – синергия и гармония. Поясним их в рамках переводческого пространства. Представляя переводческое пространство как глобальное видение процесса перевода, с позиций некоего пространственно-

временного континуума, простирающегося от одного языка, культуры к другому языку и культуре, от одного языкового сознания языковой личности к другому языковому сознанию других языковых личностей, от одного текста или дискурса к другому тексту или дискурсу. Этот процесс обусловлен формированием в сознании переводчика особой переводческой картины мира, особого, гармоничного переводческого мировоззрения, которое так формулирует профессиональную задачу: обеспечить порождение качественного текста перевода, смыслы которого соразмерны, гармоничны смыслу текста оригинала, благодаря чему текст перевода естественным образом вписывается в принимающую культуру. Решение этой задачи становится возможным, если переводчик осознает, что переводческое пространство транспонирует множество разнородных, частично эксплицитных, но преимущественно имплицитных смыслов. Их необходимо извлекать, понимать, выражать. Этот процесс является синергетическим по своей сути, т.к. множество смыслов вступают в сознании переводчика во взаимодействие, при этом важно приращение новых смыслов, адаптированных к принимающей культуре.

Здесь важно подчеркнуть, что каждое поле переводческого пространства смыслоцентрично, а смысл текста перевода не является их суммой, но результатом синергии, предполагающей приращение нового смысла в соответствии с требованиями той культурной традиции, в которую интегрируется текст перевода.

Кроме того, благодаря переводческому пространству выстраиваются отношения между исходным и производным текстами, что позволило нам упорядочить традиционные метапереводческие категории и ввести новые, тем самым выстраивая критерии перевода в их иерархической структуре: дисгармония, адекватность, эквивалентность, гармония.

Мы предположили, что в случае гармоничного перевода смысловые отношения между исходным и производным текстами соразмерны, согласованы, что можно уподобить отношениям метафорически обозначенным А.В. Федоровым как отношения невидимых, непротянутых нитей, которые в концепции полноценного перевода в тот период не получили терминологического обозначения. Те отношения, которые рассматривались А.В. Федоровым как отношения протянутых нитей, мы уподобили адекватности и эквивалентности, то есть относительно высокое и относительно низкое качество перевода. Некачественный перевод – ошибка, погрешность, несоответствие – это проявление дисгармонии.

Поясним наше понимание переводческой гармонии. Речь идет о преобразованиях на межкультурном уровне, то есть текст перевода становится фактом другой культуры. Гармоничный перевод мы определяем не только как качественный, но и как профессиональный, то есть мастерство переводчика, его истинную свободу, мы трактуем как результат гармонии. Каков путь гармонизации – широкий интертекстуальный обзор, выполняемый переводчиком. Это означает, что переводчик изучает интертекст родной и иноязычной культур. Эта идея не нова, ее осознание мы встречаем в литературоведческих работах. Так, М. Гершензон, изучая творчество А.С. Пушкина, утверждал, что «прочитай и поняв пьесу, в пределах ее текста, вполне законно попытаться найти ее место в целостном творчестве поэта и в целом его мировоззрении». Поэтому мы говорим о том, что гармония – это и мировоззрение переводчика.

В данном случае нас интересует, как протекает и сам перевод, в самом широком смысле, и как протекает другой когнитивный процесс, а именно метафоропорождение. Как мы уже отмечали, при переводе этот процесс может иметь двоякий вектор развития. С одной стороны, в целях гармонизации смыслов переводчик может воссоздать метафору средствами другого языка, что мы называем реметафоризацией, с другой стороны, он может обратиться к иным когнитивным механизмам текстопорождения, а метафора претерпит процесс деме́тафоризации.

Проследим данные процессы на материале сопоставительного анализа выдающегося произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой» и его перевода на французский язык. Методом сплошной выборки были выбраны фрагменты текста, которые содержали данные процессы. При этом даже беглый взгляд показал, что этих процессов гораздо больше, чем следовало ожидать, что подтверждает значимость данного подхода.

Приведем некоторые примеры.

1) ...*Любопытство меня жгло* [13. С. 38-39] – ... *La curiosité me dévorait* [Ibid. P. 38-39] – реметафоризация.

Мы считаем, что в данном случае переводчик гармонизировал смыслы, т.е. языковые значения глаголов «жечь» и «dévorer» (букв. «поедать, поглощать») совершенно не совпадают, но их когнитивные дополнения, их коннотации достаточно близки. В результате слияния языковых и когнитивных значений метафора текста перевода настолько же понятна читателю, франкоязычному реципиенту.

ту, как и метафора текста оригинала. Иными словами, истинный смысл высказывания, обусловленный метафоризацией, передается при переводе.

2) ... *кричали цикады* (С. 42-43)¹ – ... *on entendait le chant des cigales* – реметафоризация.

В данном случае в тексте перевода происходит, на наш взгляд, усиление метафоризации, что можно уподобить реметафоризации, т.к. переводчик выбирает вариант, при котором «было слышно пение цикад», что является гораздо более поэтичным, метафоричным, чем оригинал.

3) ... *наше вечное спасение* (С. 42-43) – ... *notre salut éternel* – реметафоризация.

В данном примере мы также наблюдаем реметафоризацию. Подчеркнем, что переводчик поднимается на уровень гармонизации смыслов, оставляя в стороне адекватный, то есть словарный перевод. Исходная лексема «спасение» не соотносится ни по своей форме, ни по своему значению с переводной лексемой “salut” – «привет, приветствие». При этом дух оригинала передан переводчиком:

4) ... *У нее тревожно бьется сердце* (С. 44-45) – ... *Elle se plaignait d'avoir des palpitations* – деметафоризация.

Анализируя данный фрагмент, содержащий в оригинале метафору «тревожно бьется сердце», а в обратном переводе мы имеем «она жаловалась на сердцебиение», то есть в данном случае метафоричность высказывания, на наш взгляд, исчезает, так как сердцебиение может быть чисто физиологическим процессом, в то время как «тревожно бьется сердце» – это душевный процесс. Как видим, когнитивный компонент, выраженный эмотивными и понятийными единицами текста, в данном переводе лишается своей эмоциональной окраски, что свидетельствует о процессе реметафоризации, и что не позволяет нам расценивать перевод как гармоничный.

5) ... *Не поминайте лихом!* (С. 46-47) – ... *Ne gardez pas un mauvais souvenir de moi* – деметафоризация.

Использование описательного перевода демонстрирует, что мысль переводчика движется по нейтральной линии, ему не удается найти такое переводческое решение, которое сохранило бы метафоричность смысла исходного текста.

6) ... *это сладкое забытье* (с. 46-47) – *ce doux oubli du monde* – деметафоризация.

Представляется, что в данном случае состояние «забытье», когда человек находится на грани осознаваемого и неосознаваемого передается лишь частично словом «oubli» (забывчивость, забвение), что ослабляет метафоричность, заложенную автором текста.

7) ... *Пора!* (С. 48-49) – ... *grand temps!* – деметафоризация.

8) ... *И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями* (с. 52-53) – ... *Déjà il brûlait du désir de faire part à quelqu'un de ses souvenirs* – деметафоризация.

9) ... *И только жена шевелила своими темными бровями* (С. 53-53) – ... *Seule son épouse fronçait ses sourcils noirs* – деметафоризация.

В данном случае метафора заменяется на такую номинацию, которая сохраняет исходное значение метфоризированной лексемы автора. Передано содержание, но не смысл.

10) ... *А давеча вы были правы* (С. 54-55) – ... *Vous avez raison tout à l'heure* – деметафоризация.

Ясно, что устаревшее «давеча» опускается переводчиком, темпоральный смысл передается другими средствами и, в результате прямой номинации, а не метафорической.

Подводя итог, подчеркнем, что метафоризация, которая имела место в тексте оригинала, а также реметафоризация или деметафоризация, которые характеризуют текст перевода, представляет собой ментальную репрезентацию всего когнитивного багажа переводящей личности. В сознании переводчика переплетаются и взаимодействуют самые разные процессы: общие знания, специальные знания, воображение, размышление, рефлексия, культура личности. Их совокупность и составляет когнитивный багаж языковой личности переводчика. Включаясь в переводческую деятельность, его мозг перерабатывает информацию текста, девербализует ее, а затем ищет способы ревербализации этой информации в другом языке и в другой культуре. Содержание когнитивного багажа переводчика, обладающего понятийными и эмотивными компонентами, может быть различным. В рамках данного сообщения нас интересовало его метафорическое наполнение и способы его отражения при переводе, что позволило нам рассматривать перевод как вторичную метафоризацию. Мы полагаем, что качественный перевод метафоры в художественном тексте, отражающий богатство духовных тоналностей автора и переводчика, обретет свое место в другой культуре.

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются номера страниц из цитируемых источников после первых полных ссылок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь, 1998. 250 с.
2. Алексеева Л. М. Метафорические терминопорождение и функции терминов в тексте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 33 с.
3. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы. Тюмень, 2010. 252с.
4. Бодрова-Гоженмос Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия, дефиниции // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. Вып. 7. Ч. 1. С. 42-51.
5. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997. 79, [1] с.
6. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 212 с.
7. Кушнина Л.В. Культурная парадигма перевода // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М.П. Котуровой. Пермь, 2016. С. 130-139.
8. Кушнина Л.В. Возможности актуализации метафорических моделей в переводном дискурсе: реметафоризация/деметафоризация // *Metaphor as means of knowledge communication. International Symposium*, 10-14 Oct. 2016. P. 174-175.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
10. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
11. Панкратова С.А. К вопросу о дифференциации когнитивной и образной метафор: когнитивная эпифора и образная диафора // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 71-79.
12. Эртнер Д.Е. История становления метафорологии как науки: методологические контуры интерпретации // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanities*. 2015. Т. 1. № 4(4). С. 167-174.
13. Чехов А.П. Дама с собачкой. Билингвальное издание. Tchekhov A. La dame au petit chien, Paris: Gaillmard. 1971. 193 p.
14. Я думал, чувствовал, я жил. Воспоминания о Маршаке / А. Твардовский, А. Фадеев, Р. Гамзатов, Л. Фадеев. М.: Советский писатель, 1988. 592 с.
15. Alexeeva L. Metaphor from a derivational perspective // *Metaphor as means of knowledge communication. International Symposium*, 10-14 October, 2016. P. 10-11.
16. Lederer M. La traduction d'aujourd'hui. Paris: Hachette. 1994. 224 p.

Поступила в редакцию 20.04.17

L.V. Kushnina

DYNAMICS OF METAPHOR TRANSPOSITION INTO TARGET TEXT

The article deals with the problem of metaphor transposition as one of cognitive mechanisms of text translation. The study is done in the light of the author's conception of "translation space" revealing synergetic potential of translation. Within elaborated model the result of meanings synergy is the production of harmonious translation text that becomes a fact of another language and of culture. If the process of metaphor production in source text is referred to a primary metaphorisation so translation space may become a place of a secondary metaphorisation which has two vectors of development, – *demetaphorisation* and *remetaphorisation*, which reveals its translation dynamics. In the first case an original metaphor disappears that leads to an inefficient, disharmonious translation. In the second, a translator creates a new metaphor basing on an original one as well as on the language resources of translation and on his/her cognitive baggage that totally brings him/her to a harmonious translation. An efficient translation of a metaphorised literary text permits a translator to reflect a spiritual power of its creator that could be fully understood by a reader of a foreign linguoculture.

Keywords: metaphor, "translation space", harmonious translation, disharmonious translation, remetaphorisation, demetaphorisation, translator's cognitive baggage.

Кушнина Людмила Вениаминовна,
доктор филологических наук, профессор кафедры
иностраных языков, лингвистики и перевода
ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет» (ПНИПУ)
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп, 29
E-mail: lkushnina@yandex.ru

Kushnina L.V.,
Doctor of Philology, Professor at Department
of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University
(PNRPU)
Komsomolskiy pr., 29, Perm, Russia, 614990
E-mail: lkushnina@yandex.ru